

ЗА ЩИТОМ БЫЛОЙ СЛАВЫ

Если спросите у наших земляков, что прежде всего стоит посмотреть в Одессе, вы обязательно услышите:

— Театр оперы и балета.

Одно из красивейших театральных зданий в мире вызывает восхищение не только одесситов.

Теплые строки о нашем театре оставил А. С. Пушкин, на сцене театра выступали несравненный Шаляпин и великая балерина Павлова, радовали зрителя своими искрометными спектаклями Заньковецкая и Саксаганский, здесь начинали свой путь в искусстве известные артисты Литвиненко-Вольгемут, Паторжинский и Собинов, чаровал слушателей голос народной артистки Воликовской...

Замечательны традиции нашего театра. Продолжать их — дело молодежи. Молодежь — будущее театра. Чем больше заботятся в театре о росте и выдвижении новых талантов, об учебе и идейном воспитании молодых артистов, тем успешней может решать творческий коллектив большие и волнующие задачи.

Как ни горько признаваться, но в последние годы эту общеизвестную истину стали забывать в нашем театре, все больше теряются завоеванные творческие позиции, уважение и признание зрителя.

Именно это — тревога за будущее родного театра, горячее желание вернуть ему уважение и признание зрителя заставили нас, артистов, взяться за перо и послать письмо в редакцию.

Мы решили написать письмо еще и потому, что на месте решительных мер для исправления недостатков не принимают. Не раз деятельность театра проверяли всякие комиссии. В мае прошлого года комиссия, состоявшая из крупных специалистов, знакомилась с работой театра на протяжении многих дней и выявила серьезные недостатки. Коллектив был уверен, что наступит, наконец, перелом. Но виновники отделались легким испугом, директор получил выговор, и все пошло по-старому.

* * *

Долгое время почти во всех спектаклях главные роли исполняли артистами преклонного возраста. Даже партию пятнадцатилетней Беттерфляй исполняла певица, которой давно перевалило за сорок. Ясно, пожилой женщине было трудно падать в страстном порыве на колени и с девичьей резвостью подниматься. Не раз актеры, сидя в зале, слышали возмущенный ропот зрителей, смотревших другой спектакль — «Риголетто»:

— Как можно старой женщине поручать партию Джильды!

Юной Беттерфляй прибавили в клавире два года, и стареющая артистка пела со сцены, что ей семнадцать лет. Однако два года не спасли положение. И дело было не только в потере сценической внешности, но и голос певицы был уже далеко не таким, каким восхищался слушатель лет десять — пятнадцать назад.

Неправильное отношение директора театра к выдвижению молодежи нельзя было скрыть ни от коллектива, ни от общественности.

«Нас тревожит стиль работы директора Одесского театра оперы и балета т. Алексева, — писал в те дни известный украинский композитор Данькевич. — Он не понял, что выполнение решений партии неразрывно связано с воспитанием молодых кадров, которые в содружестве с опытными мастерами предопределяют судьбу театра», — и автор статьи напомнил историю Елизаветы Чавдар, ныне народной артистки СССР, перед которой фактически были закрыты двери Одесской оперы. «Дело в том, — писал Данькевич, — что т. Алексей в беседе с Е. Чавдар проявил себя холодным, бездушным бюрократом... Подобный прием был оказан и другой талантливой дипломатке Одесской консерватории... Нельзя успешно руководить театром без самого чуткого, любовного отношения к молодежи».

Несколько лет спустя об этом же писала и газета «Сталинское племя».

Это были серьезные сигналы, но на них не обратили внимания те, кто должен был навести должный порядок в театре. Престарелые артисты продолжали исполнять ведущие партии, шестидесятилетних можно было найти не только в хоре, но даже ...в балете.

Зритель возмущался, спектакли зачастую проходили в полупустом зале, Алексей же продолжал свою линию, расправлялся с теми, кто осмеливался поднимать голос против него, решался критиковать.

В театре все больше сгушалась атмосфера протекционизма, подхалимства перед директором. Получение роли, выдвижение молодежи нередко зависело не от качеств исполнителя, не от способностей и таланта артиста, а от личных симпатий директора или дирижера. Мы не помним случая, чтобы за последние годы коллектив обсуждал репертуарный план или музыку новой оперы, балета. Все это у нас до сих пор проводится келейно, а отсюда, как следствие, серьезные просчеты в репертуарной политике. Планы меняются так часто, что у артистов теряется творческая перспектива, опускаются руки. Положение усугубляется тем, что руководители театра не ставят в известность коллектив об изменениях в планах и своих намерениях.

В конце прошлого года на пенсию ушла жена директора — солистка театра. После этого коллектив значительно обновился за счет молодежи. Однако нужно прямо сказать, что отношение к молодежи, по сути, осталось прежним, обстановка в театре не благоприятствует ее творческому росту.

Отрыв руководства театра от коллектива, нетерпимое отношение к критике, крайняя нетребовательность к нарушителям дис-

циплины отрицательно влияют на воспитание молодых артистов. Обратимся к фактам.

Не так давно мы давали оперу «Катерина» для участников совещания колхозников-передовиков. Дирижер оперы Русинов стал за пульт в пьяном виде. Однако за такой беспримерный проступок дирижер никакого наказания не понес. Между тем стоит напомнить для более полной обрисовки морального образа Русинова, что он недавно разошелся с третьей женой, бросив ее с ребенком, платит алименты по суду родному отцу, слышит сквернословом. Чему может научиться молодежь у такого дирижера?

Нередко слоняется по театру в пьяном виде заслуженный артист УССР Нил Толпий. На это наши руководители почему-то смотрят сквозь пальцы и даже посмеиваются: «Вот, мол, какая плохая привычка у Нила Георгиевича! Как только напьется, обязательно лезет в театр!» А сын Нила Георгиевича — артист Анатолий Толпий устроил пьяный скандал в театре и отделался только выговором. Можно ли удивляться, что иные молодые актеры тоже стали заглядывать в рюмку? Кстати, напиться можно тут же в театре — в правом крыле фойе до сих пор стоит десяток столиков, на которых во время спектаклей красуются батареи бутылок с крепкими напитками разных марок, и во время антрактов то и дело слышно хлопанье пробок.

Среди молодых людей, нарушающих трудовую дисциплину, совершающих аморальные поступки, есть и комсомольцы. Так, например, совсем недавно за аморальное поведение был вынесен выговор балерине Махине. Прошло немного времени, и поведение девушки опять обсуждали на комсомольском собрании. Казалось, этот случай должен был обеспокоить руководителей театра.

Но этого не случилось.

Мало заботятся в театре о запросах творческой молодежи, из рук вон плохо поставлена профессиональная учеба, никого не волнует быт и организация досуга молодежи.

— Об успехе театра судят по кассе, — можно у нас частенько услышать.

Кассовые, коммерческие соображения нередко преобладают над идеологическими задачами театра. В то же время допускаются разбазаривание государственных средств, в кассу театра запускают руки нечистоплотные люди, которым чужды интересы искусства.

Мы привели в письме далеко не все факты, рисующие положение в театре. Оно глубоко волнует нас, как и весь коллектив, в основе своей здоровый и творчески работоспособный. Мы убеждены, что оздоровление всей обстановки в театре должно быть начато со смены директора, который давным-давно потерял доверие и уважение коллектива. Если нашему коллективу будет оказана помощь, театр еще порадуется зрителя новыми высокохудожественными спектаклями.

ГРУППА АРТИСТОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция проверила факты, приведенные в письме группы артистов.

В театре, действительно, создалась обстановка, мешающая творческому решению задач, стоящих перед коллективом. Прежде всего этому мешают раздоры в художественном совете: вражда дирижеров друг с другом, с директором и режиссерами. Но от каждого из них в большой мере зависит артистическая судьба молодых певцов и танцоров. Каждый дирижер тянет молодых людей на свою сторону. Так образовались группы и группки, отстаивающие интересы только своих «покровителей», хотя частенько это не соответствует интересам коллектива, театра, зрителя. Предоставление актерам роли в новом спектакле вызывает целую бурю страстей, как это произошло, например, при определении состава участников премьеры оперы «Князь Игорь».

Серьезные просчеты допускает театр в своей репертуарной политике. При составлении программы для очередной декады директор беспокоится не об идейном, эстетическом воспитании зрителя, а руководствуется часто кассовыми соображениями. Вот почему с 1 января по 22 марта вальсы Штрауса звучали в зале театра 23 раза, а музыка советских композиторов — 16.

Давным-давно уже не ставится «Наталка-Полтавка», «Запорожец за Дунаем» за три месяца показали три раза, «Лилею» — один раз. Известному украинскому композитору Данькевичу вообще не везет в Одесском театре: его опера «Богдан Хмельницкий» числится только в парадном репертуарном списке, зрителю она ни разу не была показана за шесть месяцев, а балет «Лилея» за полгода был показан... 1 раз. Уж не сводит ли директор театра личные счеты с композитором, осмелившимся критиковать его, Алексева?

Авторы письма не случайно обеспокоены репертуарной политикой театра — она не соответствует возросшим культурным запросам советского зрителя. Нельзя считать нормальным, что в театре совершенно отсутствуют спектакли на современную тему. Беда в том, что руководство театра вообще не имеет ясного представления, какие спектакли можно поставить в ближайшее время.

В начале сезона решили было поставить оперу «Кирилл Кожемяка», за переписку нот которой заплатили 14 тысяч рублей, но скоро отдали свои симпатии опере «Укрощение строптивой». Приобрели клавир и в план внесли оперу «От всего сердца». Материалы новой

(Окончание на 3-й стр.).